

Глава 15. Рагу из сплошных недоразумений

Главный герой, притворяющийся спящим.

— Сердце меча — моё сердце, моё сердце — это небесное сердце!

Десять крупных иероглифов: каждый горизонтальный штрих, каждый вертикальный, каждый откидной влево и вправо — были пропитаны диковинным, утончённым духом.

Вот оно что.

Гу Юй внезапно всё понял.

Эта каменная стела и была золотой точкой на системной карте. Надписи на ней, должно быть, представляли собой наследие, оставленное каким-то несравненным мастером меча, достигшим небесных высот. В тот самый миг, когда Шэнь Ецан увидел текст стелы, его дух оказался полностью поглощён заключённым в нём Намерением Меча.

Поэтому он простоял здесь неизвестно сколько времени, и только полностью постигнув это Намерение Меча, он сможет прийти в себя.

Однако он ведь находился всего лишь на ступени Закладки Основания, и постижение Намерения Меча высшего качества истощало не только его духовную энергию, но также его жизненные силы и духовную сущность. К тому же из-за того, что он долго ничего не ел и не восполнял запасы энергии, он выглядел так, будто стела вот-вот «высосет его досуха», что и пробудило дремавший в его теле маточный гу Гу Облаков Радости.

Это же, в конце концов, гаремный роман с сайта Дяньцзя, так что же ещё могло лучше продвинуть вперёд романтические отношения между главным героем и героиней, кроме парного культивирования после тяжёлого ранения? Поэтому функция Гу Облаков Радости заключалась в том, что, когда маточный гу чувствовал, что Шэнь Ецан тяжело ранен и не может вовремя восполнить силы, он побуждал носителя дочернего гу обеспечить Шэнь Ецана энергией.

Никакого гу Облаков Радости! Никакого гарема!

Но прежде всего следовало искупать Шэнь Ецана.

Нельзя было прерывать постижение Шэнь Ецаном Намерения Меча, иначе он упустил бы доставшееся по наследству сокровище. Но заставить себя заниматься с Шэнь Ецаном тем-самым-делом... от одной этой мысли его окатывала волна сильнеешего стыда!

Он так не может! Он на это не способен! Он ведь мужчина!

Но как, кроме этого, еще можно было подпитать Шэнь Ецана энергией?

Пилюли подходили для этого лучше всего, но загвоздка заключалась в том, что Шэнь Ецан сорвал с него одежду, и куда этот негодяй задевал Мешок Вселенной — было совершенно непонятно. Что же до собственного Мешка Вселенной Шэнь Ецана, то Гу Юй открыть его никак не мог.

Гу Юй стянул с Шэнь Ецана грязную одежду, злорадно ухмыляясь про себя.

Как бы Гу Юй ни бесновался от собственного бессилия, он не мог подавить рвущееся из глубины души желание завалить Шэнь Ецана.

Он бросил одежду в озеро, прополощал её, а затем, набрав в мокрые вещи воды, принялся прямо поливать Шэнь Ецана, пока полностью не смыл весь птичий помёт, после чего тщательно вытер его тело.

Вообще-то подобная великая честь должна была достаться одной из героинь — Чжао Сюэцин, но кто просил Гу Юя в ту ночь лезть на рожон и искать смерти?

Гу Юй: *^^*

Что же делать?

В голове Гу Юя бушевал ураган мыслей.

Гу Юю было всё равно.

Тоска смертная! Печаль зелёная!

Когда он только читал этот роман, то сразу подумал, что любовная линия главного героя — сплошной провал, не мудрено, что она отталкивала столько читателей, а теперь он и вовсе скрипел зубами от злости!

Теперь они оба бегали голышом! Впрочем, практикующие на ступени Закладки Основания обладали крепкими телами, так что простуда им не грозила.

Неужели обязательно восполнять энергию через то-самое-дело?

Гу Юй бросил косой взгляд на губы Шэнь Ецана.

В течение всего этого времени Шэнь Ецан не шевелился ни единым мускулом, не отрывая взгляд от каменной стелы.

Он глубоко вздохнул и кое-как поднялся на ноги.

Гу Юй так и рвался в бой.

М? Погодите-ка.

А поцелуй подойдёт?

Гу Облаков Радости отвечал: нет!

Да оставьте вы Шэнь Ецана в покое, пусть наслаждается одиночеством!

Верно, точно так же, как Изумрудный Кролик Скрамности культивировал «ци сокровищ», а Шэнь Ецан — «ци пилюль», гу Облаков Радости тоже умел преобразовывать «жизненную ци» в энергию. Как правило, гу Облаков Радости раз в месяц накапливал порцию жизненной ци, и если хозяин попадал в беду, червь автоматически подпитывал его силы. Ну а если энергии не хватало, в дело вступал носитель дочернего гу.

— Лучше бы никакой реакции! Тогда что бы ни произошло дальше, Шэнь Ецан ни о чём не узнает!

Гу Юй тяжело и часто дышал.

Дочерний гу под воздействием маточного всё сильнее бушевал внутри, а сам он уже изнемогал от подступившего жара.

Он придвинулся к самому лицу Шэнь Ецана и заметил, что у того удивительно длинные ресницы, глубокие чёрные зрачки, а черты лица отличались правильной, безупречной красотой. Вот только состояние кожи оставляло желать лучшего, а губы слегка потрескались от жажды.

Гу Юй облизал пересохшие губы, чувствуя, как у него подкашиваются ноги.

Странно, но ему почему-то казалось, что такой Шэнь Ецан выглядит невероятно соблазнительно.

Прижав Шэнь Ецана за плечи, он подался вперёд и прильнул к его губам.

Их губы соприкоснулись, и он тут же ощутил странную, притягательную силу, которая вытягивала что-то из его собственного тела прямо внутрь Шэнь Ецана.

Неужели это жизненная ци?

Он понятия не имел, сколько именно жизненной ци сможет дать Шэнь Ецану, а что, если её не хватит до того, как тот придёт в себя?

Опасаясь, что Шэнь Ецан придёт в себя в любой момент, Гу Юй не смел закрыть глаза. Из-за этого ему приходилось неотрывно смотреть на Шэнь Ецана.

Честно говоря, нос у него действительно был прямой, а если приглядеться подольше, то даже линии на щеках казались на редкость приятными глазу.

Смертельно скучая, Гу Юй принимался считать ресницы Шэнь Ецана и чувствовал, как жар в его теле вроде бы немного утих, зато навалилась лёгкая, едва заметная усталость в духе.

— Хлоп-хлоп... —

Несколько морских птиц пролетели мимо и уселись на голову Шэнь Ецана, с любопытством озираясь по сторонам.

— Бур-р-р... —

В тот же миг в животе у Гу Юя раздалось громкое урчание.

Как же хочется есть!

Он бы с удовольствием съел жареную птичку! Но он совершенно не умел готовить! И вообще, как их жарить, этих морских птиц? Все приправы, кажется, лежали в Мешке Вселенной Шэнь Ецана? Не заставлять же его есть сырое мясо?! Хотя до поедания сырой птицы он ещё не докатился, знаете ли...

Эх, его жертва была поистине огромна! Если этот главный герой вздумает убить его в будущем, это будет просто за гранью разумного!

Гу Юй предавался самым разным мыслям.

Постепенно его начало клонить в сон.

Гу Юй попытался сопротивляться, но, в конце концов, обессиленно уткнулся лицом в грудь

Шэнь Ецана и заснул.

Поверхность его тела постепенно озарилось семицветным сиянием, и это сияние капля за каплей преобразовывалось в чистейшую духовную энергию, которая через соприкосновение губ перетекала из его тела в тело Шэнь Ецана.

Когда сияния осталось ровно половина, на макушке у Гу Юя внезапно выросли и тут же забавно свесились вниз два белоснежных кроличьих уха. Еще через некоторое время, когда радужного света осталось всего треть, из-за спины показался круглый пушистый хвост.

Радужное сияние почти растаяло, и наконец надписи на каменной стеле потускнели.

— Трэсь... Хрусь... —

Все десять крупных иероглифов покрылись трещинами сантиметр за сантиметром. Не прошло и мгновения, как каменная стела рухнула, обнажив заключённый внутри пучок ослепительно-белого света.

— Ву-у-у... —

В пучинах Моря Мечей все рыбы-мечи выплыли на поверхность и издали звенящие, подобные грохоту металла крики, устремив взоры в сторону Великого кита, словно воздавая кому-то почести.

Картина сменилась.

Белый свет дважды вспыхнул и ворвался прямо в тело Шэнь Ецана, а в следующий миг сам Шэнь Ецан лишился чувств.

Кто-то выдыхал горячий воздух ему прямо в ямочку на шее.

Шэнь Ецан шевельнул веками, открыл глаза и увидел перед собой спящее лицо Гу Юя крупным планом, а также торчащие из макушки белые кроличьи уши.

Он на мгновение растерялся, машинально шевельнул рукой, и его кончики пальцев тут же коснулись гладкой, нежной и мягкой кожи.

Опустив взгляд, он с удивлением обнаружил, что они с Гу Юем оба совершенно голые.

Они лежали на траве, прижавшись друг к другу в донельзя двусмысленной позе.

Шэнь Ецан: Что вообще произошло?

Почему они лежат здесь голышом в обнимку с Гу Юем?

Внезапно сидевший в его теле маточный гу шевельнулся и, пусть и не умея говорить, отчётливо передал волну эмоций: «Гордость» и «Требование награды».

Требовать награду?

Неужели это как-то связано с гу Облаков Радости?

У Шэнь Ецана разболелась голова — в этот момент он совершенно не мог собрать мысли в кучу.

Нахмурившись, он сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться.

Он помнил, что нашёл какую-то каменную стелу, и выбитые на ней письма привлекли его внимание...

Мысль промелькнула в сознании Шэнь Ецана, и он обнаружил, что в его теле и впрямь появилось новое Намерение Меча.

Это Намерение Меча называлось «Меч и Я», и его истинный смысл полностью соответствовал словам на стеле: сердце меча — моё сердце, моё сердце — это небесное сердце! Намерение меча — моё намерение, моё намерение — это воля небес!

Если обобщить всё это одной фразой, то получалось следующее: среди неба и земли я превыше всего, что хочу, то и ворочу.

Чтобы взлелеять это Намерение Меча, требовалось прежде всего обладать подавляющей всё живое во Вселенной властью, во-вторых — раздобыть несравненный меч, относиться к нему как к половине самого себя, носить с собой неотлучно и не расставаться ни за едой, ни во сне; и наконец, каждый месяц подкармливать меч собственной кровью.

Если упорствовать в этом три-пять лет, клинок обретёт Духа меча. Такой Дух меча зарождался не естественным путём, а возвращался искусственно, из-за чего уступал в чистоте ранга, зато отличался невероятной послушностью, подчиняясь владельцу так же легко, как собственная рука.

М?

Шэнь Ецан внезапно приподнял бровь, и в глубине его глаз мелькнуло изумление.

Стоило ему осознать Намерение Меча «Меч и Я», как в его голове тут же всплыло целое боевое движение.

— «Возвращение Десяти Тысяч Мечей».

Имя легендарного мастера меча Ли Чэнфэна и его коронная техника были утеряны уже десять тысяч лет назад.

Ли Чэнфэн являлся самым одарённым и блистательным гением меча на Континенте Тяньюань за последние сто тысяч лет. В четырнадцать лет он постиг Золотое Ядро, в двадцать пять достиг Зарождающейся Души, а к ста семидесяти годам уже находился на пике Стадии Великой Скорби; в сто восемьдесят лет он одним ударом меча рассеял Небесную кару, прорвал пространственную печать и вознёсся в небеса.

За свою жизнь Ли Чэнфэн создал множество собственных техник владения мечом, и стоило хоть одному трактату появиться на свет, за него тут же началась бы смертная бойня. А «Возвращение Десяти Тысяч Мечей» было его самым любимым и самым мощным приёмом. Говорили, что Ли Чэнфэн, будучи на Стадии Разделения Духа, использовал его, чтобы расправиться с великим практиком Стадии Слияния, перешагнув целую ступень культивации.

Шэнь Ецан никак не ожидал заполучить наследие Ли Чэнфэна в Море Мечей! Быть может, само Тайное Средоточие Моря Мечей и рождение рыб-мечей тоже были связаны с Ли Чэнфэна?

Сердце Шэнь Ецана забилося быстрее, и он невольно закрыл глаза, вникая в мельчайшие детали этой техники.

И аккурат в этот момент —

— Бур-р-р... —

— Как же голодно... — Гу Юй слабо приоткрыл глаза, разбуженный мучительным голодом.

Шэнь Ецан едва заметно шевельнул веками, намереваясь разомкнуть их.

В ту же секунду:

— Ох ты ж ёлки-палки! Почему это я завалил главного героя?

Наньчжу?

Кого это? Его самого, что ли?

Шэнь Ецан совершенно не понимал, почему Гу Юй называет его «Наньчжу», неужели перепутал с кем-то? Или же видел в нём чьё-то отражение, замену? Если взглянуть на это под таким углом, то внезапная забота Гу Юя и его готовность броситься в бой ради спасения обретали хоть какой-то смысл.

На мгновение на душе у Шэнь Ецана стало тяжело и смутно.

Каким-то непостижимым образом он продолжил лежать с закрытыми глазами, не смея шелохнуться.

Гу Юй в этот момент снова заметил разрушенную каменную стелу, отчего запаниковал еще сильнее, и забормотал себе под нос: — Конеч, полный конеч... Неужели пока я спал, я придавил Шэнь Ецана, из-за чего наследие сорвалось? Он что, потерял сознание? Получил тяжёлые ранения?

Гу Юй закусил губу, в его голове творился полный кавардак.

Он совершенно упустил из виду притихший внутри дочерний гу и даже не заметил тяжести на макушке и на копчике, а потому, придвинувшись вплотную к губам Шэнь Ецана, забормотал: — Ещё не поздно передать ему жизненную ци? Плевать, сначала нужно спасти человека! — с этими словами он снова склонился и поцеловал его.

С наклоном головы на макушке вновь объявилась какая-то странная тяжесть.

Озадаченный Гу Юй поднял глаза и упсался в пушистое облако.

М?

Что это ещё такое?

Гу Юй протянул руку и потрогал.

А, так это же кроличьи уши?

Гу Юй не придавал этому особого значения.

Он ведь Изумрудный Кролик Скромности, разве кроличьи уши на голове — это нечто неестественное?

Эх, до чего же у автора этого романа дурацкий вкус, кроличьи ушки-девочки — это же мило, а вот кролик-мальчик — это вообще к чему?

Мысленно чертыхаясь, Гу Юй тут же нахмурился.

Странно, но прежнего ощущения того, как жизненные силы утекают при поцелуе, сейчас не наблюдалось вовсе.

Черт возьми! Неужели простого соприкосновения губ уже недостаточно?!

Сердце Гу Юя рухнуло вниз. Он крепко сжал подбородок Шэнь Ецана и протолкнул язык ему в рот.

Никакой реакции!

Что за бред?! Шэнь Ецан же дышит! Почему тогда гу Облаков Радости вообще никак не реагирует? Неужели состояние Шэнь Ецана настолько критическое, что с ним не справится даже этот гу? Неужели... и впрямь придется дойти до самого конца?

<http://bllate.org/book/22051/2293022>